

‘притворяться’) – копия, у которой нет оригинала в реальности. В данном значении термин введен в научный обиход Жаном Бодрийаром.

Если главной задачей первого, «реалистичного» направления является создание совершенной электронной копии уже существующих звуковых объектов, то «второе направление, при котором музыка в записи может существенно отличаться от реальной акустической музыки и содержать характеристики, которые акустически создать невозможно, предполагает формирование новой реальности. Запись может демонстрировать музыкальные идеи, свойства и отношения, которые невозможно создать в живом выступлении» [4].

Особый интерес представляет анализ фонокультуры с позиций семиотики – как «мира символических обозначений явлений и понятий, созданного людьми для фиксации и трансляции социально значимой информации, знаний, представлений, опыта, идей и т. д.» [5]. Включенные в процесс массовой аудиовизуальной коммуникации техника и технологии осуществляют проекцию идей, форм сознания, характерных представлений о мире (картин мира). В то же время техника, будучи культурной системой субъектно-объектного типа, служащей для передачи, получения и переработки информации (знания, деловые сообщения и т. д.), сама обладает внутренним креативным потенциалом смыслопорождения [6].

Будучи, по сути, непрерывным (аналоговым), аудиосообщение в модусах фонокультуры содержит три плана выражения смысла: *феноменальный* (имманентная характеристика звука; апелляция к перцептивным структурам сознания), *эмпирический* (актуализация предшествующего слухового опыта) и *техногенетический* (воспроизведение сообщения; соотносится со структурой технического кода).

Объективируя идеи, представления и образы миропорядка, техническая среда фонокультуры выступает одним из основных условий моделирования выразительных средств, используемых при создании, трансляции и расшифровке сообщения. Поскольку технические средства представляют собой некое конечное множество артефактов,

можно говорить о признаках дискретности, являющейся основой существования технического кода. С другой стороны, наличием множества комбинаций и алгоритмов (признак непрерывности) обусловлены сложности декодирования сообщений и семантической плюрализм.

Анализ исторической динамики фонокультуры позволяет выявить изоморфизм системы инструментальных средств и средств выразительности, ставших мощным формо- и структурообразующим фактором современных художественных и дизайнерских практик. В отношении материального содержания прослеживается следующая тенденция: технические объекты и сопутствующие технологии приобретают, помимо утилитарных, еще и символические функции, формируя собственную систему деконструированных знаков техники в коммуникативном поле культуры.

Таким образом, характерными признаками фонокультуры как новой парадигмы современной акустической сферы выступают: виртуализация звукового пространства (нарушение пространственно-временной корреляции, характерной для традиционной вербальной системы коммуникации); зависимость от уровня развития техники и технологий; наличие собственной функционально-символической знаковой системы.

## Литература

1. Боров Ю. Б. Эстетика. М., 1988. С. 319.
2. Шамшин Л. Б. Аудиовизуальная культура // Культурология. XX век: энциклопедия. Т. 1. СПб., 1998. С. 46.
3. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерны к постмодерну. М., 2005. С. 2.
4. Игнатов П. В. Эволюция средств художественной выразительности в творчестве звукорежиссера: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2006. С. 26.
5. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М., 2000. С. 119.
6. Городищева А. Н. Историческая динамика технологий в культуре: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Красноярск, 2009. С. 15.

## YE. V. KUSHCH. PHONOGRAPHIC CULTURE AS A NEW PARADIGM OF ACOUSTIC SPACE

*The signs and specificity of functioning of the phenomenon «phonographic culture» are considered in the article.*

**Key words:** *phonographic culture, media culture, sound recording, communication.*

Н. Е. ДРОБЯЗКО

## МАРГИНАЛЬНЫЕ ИДЕИ И НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ОТКРЫТИЯ В НАУКЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

*Автор рассматривает идеи и открытия, не получившие поддержки в научном знании, дает их классификацию, анализирует возможности использования на современном этапе.*

**Ключевые слова:** *маргинальная наука, несостоявшееся открытие, непризнанные научные идеи.*

Маргинальная наука – направление исследований, которое значительно отклоняется от общепринятого и составляет пограничную область той или иной академической дисциплины. Считается,

что маргинальные концепции и идеи по большей части умозрительны и пользуются слабой поддержкой со стороны магистрального направления научного знания. Однако на сегодняшний день

можно констатировать наличие массива идей и открытий, которые необычны с точки зрения достоверности, доказательности, методики исследования, но согласуются с установленными стандартами и воспринимаются как часть объективной действительности.

Обозначенная в названии нашей статьи проблема представляется актуальной: во все времена имелось множество результатов исследований, которым еще только предстояло получить статус признанных научных открытий. На данный момент к ним, в частности, относятся попытки создания «искусственного интеллекта», системы прогнозирования землетрясений, лекарств от рака и т. п. Несмотря на востребованность решаемой задачи и на высокий уровень развития науки и техники, работы, осуществляемые в названных направлениях, пока не принесли положительных результатов [1]. В связи с этим возникает закономерный вопрос: можно ли ускорить научные исследования и управлять ими?

Хорошо известно, что по мере развития некоторые направления и концепции, изначально относившиеся к маргинальным, становились общепризнанными. Примером могут служить эволюционистская концепция Ч. Дарвина, теория психоанализа З. Фрейда, теория движения тектонических плит, сыгравшие важную роль в истории человечества.

И если более глубоко анализировать каждый конкретный случай, выявляя причины, в силу которых признание открытия затянулось, можно констатировать следующее. Распространению выдвигаемых идей препятствовали такие факторы, как незавершенность, неполная проработка теоретической базы, отсутствие материальной поддержки, несоответствие авторской концепции господствующему социальному устройству, религиозным убеждениям, психологическим установкам и т. д.

На современном этапе активно исследуются проблемы, связанные с научным творчеством, существенно меняются представления о познании и факторах, влияющих на него. В западном постпозитивизме четко обозначились два основных направления: исследование истории развития науки и анализ онтологических, гносеологических, логических и других аспектов научного открытия (Л. де Бройль, М. Полани, Т. Кун, А. С. Майданов, А. К. Сухотин и др.).

Вторая половина XX века характеризуется повышенным интересом к социокультурному аспекту научных поисков и научных открытий (М. Г. Ярошевский, Е. А. Мамчур, В. И. Купцов, А. К. Сухотин, В. А. Дмитриенко, И. В. Черникова, А. А. Корниенко и др.). Опровержение позитивистского тезиса о свободе от общечеловеческих ценностей нашло свое отражение в работах философов (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулмин, М. Полани, Дж. Агасси, Л. Лаудан и др.), историков (А. Койре, Э. Нагель, Р. Коллингвуд, Дж. Макгуайр и др.), социологов (М. Вебер, Р. Мертон, Дж. Бернал, М. Малкей и др.). Возник ряд противоречий, связанных с определением роли социокультурного контекста: Дж. Агасси, К. Поппер, И. Лакатос

и их единомышленники занижают его влияние на познавательный процесс [2]; М. Полани, Т. Кун, С. Тулмин [3], напротив, утверждают: научное творчество, судьбы научных открытий в большой степени детерминированы этическими и аксиологическими установками общества.

К исследованию общих закономерностей развития науки и специфики научного поиска обращались и сами ученые: Л. де Бройль, А. Эйнштейн, П. Л. Капица, С. П. Капица, А. Л. Чижевский, Н. Н. Моисеев и др.

Многие исследователи традиционно уделяют внимание результатам научного творчества, не получившим официального статуса. Обычно они представлены как «незавершенные открытия» (Н. Хэнсон), «озадачивающие явления» (Р. Респер), «безуспешные открытия» (Д. Максвелл, В. Оствальд), «открытия, которым помешали» (Л. де Бройль), «ошибки» (Г. Хон). Интерес к ним обусловлен теоретико-познавательными особенностями современной теоретико-познавательной ситуации в науковедении, а также противоречием между объемом накопленных сведений о научных открытиях и уровнем их осмысления. Так, для неопозитивистской науки было свойственно абстрагирование от субъекта познания, а основной целью неопозитивистской эпистемологии выступала реконструкция готового исследовательского результата [4].

Рассмотрение науки в контексте синергетики дает возможность применить к ней общие закономерности развития сложных систем: самоорганизация, саморазвитие, саморегуляция и т. п. В связи с этим основная задача состоит не только в том, чтобы ввести в философию науки понятие «несостоявшегося открытия», но и описать его роль как естественного элемента развивающейся системы. Синергетический подход не отменяет известных концептуальных моделей в философии науки, но позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем [5]. Многие феномены успешно объясняются в концепциях «научных революций» Т. Куна, «исследовательских программ» И. Лакатоса, «научных тем» Дж. Холтона и т. д.

Достигнутый ныне уровень «самопознания науки» требует философско-методологического осмысления категории *несостоявшееся открытие* в связи с определением природы научных инноваций. Открытия осуществляются на индивидуально-личностном уровне и становятся научной инновацией в том случае, если не только удовлетворяют основному критерию научности (новизна), но и получают признание. Однако большинство из них остается за рамками общенаучной парадигмы.

Итак, несостоявшиеся открытия не отвечают принятым критериям научности (новизна, теоретическая обоснованность, подтверждение эмпирическим опытом), не признаны научным сообществом (не ассимилированы наукой как институтом). Хотя в разработанной к настоящему моменту классификации их делят на незавершенные, ошибочные, нереализованные, непризнанные, забытые, ложные, данный феномен нельзя рассматривать как непродуктивный или

однозначно негативный результат научного творчества. Выполняя функцию саморегуляции, эти результаты могут ускорить развитие науки, уточнить границы и актуальность проблемы, обозначить тупиковые пути научной мысли, выступить индикатором уровня развития науки (научного сообщества или общества в целом в отношении какого-либо метода, а также личности ученого).

В этом смысле маргинальные идеи и несостоявшиеся открытия становятся необходимым, естественным элементом развивающейся системы научного знания. Их необходимо фиксировать, выделять из целостного образа науки, изучать их роль в развитии современной науки.

## Литература

1. Кексель О. С. Эпистемологический и социокультурный смысл несостоявшегося открытия в науке: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2005.
2. Лекторский В. Рациональность, критицизм и принципы либерализма (взаимосвязь социальной философии и эпистемологии Поппера) // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 27–36.
3. Тулмин С. Э. Человеческое понимание. М., 1984.
4. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
5. Современная западная философия: словарь. М., 1991.

### N. YE. DROBYAZKO. MARGINAL IDEAS AND FAILED DISCOVERIES IN SCIENCE: PHILOSOPHICAL ASPECT

*The author not only considers the ideas and discoveries, that did not receive support in scientific knowledge, but also gives their classification and analyzes the possibility to use them in the modern period.*

**Key words:** *marginal science, failed discoveries, unacknowledged scientific ideas.*

## ПЯТЫЕ ТВЕРДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«Мир – это книга, и те, кто не путешествует, читают лишь одну ее страницу». Эти слова явились лейтмотивом проведения Пятой международной научно-практической конференции «Твердовские чтения», посвященной 60-летию со дня рождения краснодарца Александра Васильевича Твердого (26.02.1953 – 12.01.2009) – ученого-краеведа, путешественника, педагога, академика Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения. Он создал более 180 научных трудов, в том числе книги-путеводители «Электричкой в горы», «Лаго-Наки». В сферу его научных интересов входили рекреация, топонимика, этнография, лимнология, геоморфология, геоботаника, палеонтология, история народов Северного Кавказа. Он был мастером спорта РФ по спортивному туризму (на его счету более 100 категорийных походов), чемпионом СССР и двукратным чемпионом России по спортивному туризму, руководителем и участником сложных путешествий по Кавказу, Якутии, Забайкалью, Казахстану...

На пленарном заседании 26 февраля 2013 года заслушаны доклады Е. А. Дикого «Род Твердых и история двух столетий», А. А. Самойленко «Летопись НПК “Твердовские чтения”», А. А. Горбачева «А. В. Твердый и педагогика олимпизма». Состоялась презентация сборника трудов «Пятыя Твердовские чтения» (Краснодар, 2013), в котором опубликованы сообщения и материалы 125 участников конференции – авторов из России, Украины, Казахстана, Польши. В культурную программу вошли открытие выставки и юбилейная творческая встреча учеников и соратников А. В. Твердого в Краснодарском историко-археологическом музее-заповеднике им. Е. Д. Фелицына. В организации и проведении мероприятия активно участвовали преподаватели, аспиранты и студенты кафедр маркетинга и туризма КГУКИ, КСЭИ, действительные члены общественных академий, родственники ученого и его близкие друзья.